

Ирина Евгеньевна Адельгейм

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. Ленинский
проспект, 32А, 119334. E-mail: adelgejm@yandex.ru

«Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук

Статья посвящена прозе Ольги Токарчук — одного из крупнейших польских прозаиков конца XX — начала XXI в. Важнейшей константой картины мира является для Токарчук категория телесности/материальности. Логика телесности/материальности на различных уровнях определяет организацию текстов, порождает сквозные мотивные связи, образующие единое смысловое поле. Нарратив телесности/материальности, «согретый» неоднократно высказывавшейся писательницей идеей эмпатического повествования, выступает в роли особого конструкта, с помощью которого, с одной стороны, осваивается реальность окружающего мира, с другой — совершается коммуникация с ним (через потенциального адресата текста). В статье анализируются особенности визуализации телесных практик в прозе Токарчук (представления тела как такового, взаимодействия тел друг с другом и взаимодействия тела с окружающей средой) и непосредственно связанные с телесностью/материальностью значимые элементы структуры повествования: система персонажей (специфика профессий и/или занятий героев; телесность связей между персонажами; специфические значимые персонажи); характер сравнений, акцентирующих телесность; опорные идеи (бренности мира и протеста против нее, непостижимости собственного тела, целостности всей живой материи, гармонии небесного и земного); роль пограничий (тело/дух, тело/одежда, тело/мир, человеческое/нечеловеческое, небесное/земное, свобода/несвобода, живое/мертвое, теплое/холодное, подвижное/неподвижное, изменчивое/неизменное, видимое/невидимое, смертное/бессмертное, нормальное/деформированное, совершенное/ущербное, больное/здоровое, повторяемое/единичное, целое/часть, оригинал/копия, материя/слово и пр.) как эстетической и этической категории, как художественного инструмента и нравственной цели повествования.

Ключевые слова: Ольга Токарчук, нарратив телесности, нарративная стратегия, телесные практики, пограничье, чуткость, эстетическая категория, этическая категория

Цитирование: Адельгейм И. Е. «Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 273–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.10>.

Ольга Токарчук, нобелевский лауреат 2018 г., — одна из весомых, значимых и спасительных для Польши общественных фигур. В данном контексте это важно, поскольку ее художественная система зримо «работает» одновременно на эстетическое и этическое, лишней раз свидетельствуя о том, что нарративная стратегия связывает «имплицитные <...> инстанции автора и потенциального адресата нарративного дискурса»¹.

Важнейшей константой картины мира (которая, в свою очередь, является фундаментом любой нарративной стратегии, определяя «природу событийности в повествуемом мире»² и задавая «масштабы того, что является событием»³) оказывается для Токарчук категория телесности/материальности. Именно ее логика порождает сквозные мотивные связи, образующие единое смысловое поле, это та «стабилизирующая структура»⁴, посредством которой писательница работает с *цельм* человеческого опыта.

I

Описание телесного опыта у Токарчук — не столько проявление принадлежности к чему бы то ни было — среде, стилю жизни, системе ценностей и т. д., но прежде всего переживание телесности как единственного способа существования. Развернутая визуализация телесных практик в творчестве Токарчук касается представления тела как такового, взаимодействия тел друг с другом и взаимодействия тела с окружающей средой.

1. а) Описание тела, выполняющего некие действия: (повседневные, повторяющиеся — готовка и питание, игры, складывание белья, примерка одежды и пр.) или необычные (например, вытаптывание на снегу букв в «Последних историях», утренний ритуал разделения мусора монахинями в «Горе Всех Святых», различные «странные» действия франкистов в «Книгах Якова» и пр.).

¹ Тюпа 2011: 8.

² Тюпа 2018: 20.

³ Лотман 1970: 283.

⁴ Никитин 2006: 6.

б) Описание ощущений тела, находящегося под действием эмоций — протеста⁵, симпатии⁶, радости⁷, гнева⁸, печали⁹, потрясения¹⁰, тоски¹¹, страха¹², религиозного экстаза¹³.

с) Описание тела, преодолевающего некие обстоятельства, что акцентирует физиологическую составляющую действий человека (боль «сближает нас с собственным телом»¹⁴) и подчеркивает материальную составляющую окружающего мира. Это тело, функционирующее в условиях холода¹⁵, жары¹⁶, находящееся в неудобной позе¹⁷ и пр. Это также тело стареющее, в силу возраста требующее к себе внимания: рутинные действия превращаются в препятствия или ритуалы, при помощи которых человек пытается удержать контроль над реальностью — материальностью собственной и окружающего мира¹⁸.

д) Описание телесных ощущений, связанных с неким состоянием: тела еще не проснувшегося¹⁹, страдающего от бессонницы²⁰ или голода²¹, хранящего молчание²², умолкающего²³, находящегося

⁵ *Токарчук О.* Диковинные истории. М.: Эксмо, 2019. С. 217.

⁶ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. S. 552.

⁷ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 47.

⁸ *Ibid.* S. 25, 276, 280 и др.

⁹ *Ibid.* S. 283.

¹⁰ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 307; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 195; *Tokarczuk O.* Prawiek i inne czasy. Warszawa: W. A. B., 1996. S. 67, 130; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. Wałbrzych: Ruta, 1998. S. 81; *Токарчук О.* Последние истории. М.: Эксмо, 2020. С. 217–218.

¹¹ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 258.

¹² *Ibid.* S. 20, 26, 87.

¹³ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 607, 655, 668, 684–683, 742–741.

¹⁴ Подорога 1995: 24.

¹⁵ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 11, 49, 84, 94, 140; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 105, 107; *Токарчук О.* Последние истории. С. 123–124, 140; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 782, 847, 894.

¹⁶ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 166–167; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 85.

¹⁷ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 562–561.

¹⁸ *Токарчук О.* Последние истории. С. 25, 194; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 59, 61, 64; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 260.

¹⁹ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 7.

²⁰ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 205.

²¹ *Ibid.* S. 263.

²² *Ibid.* S. 245.

²³ *Ibid.* S. 11.

в состоянии опьянения²⁴, не умеющего преодолеть неподвижность²⁵, бездействующего²⁶, сопротивляющегося действию²⁷ и пр. Болезнь, недомогание также являются состояниями, значимо меняющими ощущения тела, заставляющими прислушиваться к нему и обращать на него внимание окружающих, прикладывать или экономить усилия²⁸. Из необычных телесных практик следует отметить также переживание метаморфозы (превращение одного из персонажей «Дома дневного, дома ночного» в оборотня, «зависание» героини «Книг Якова» между жизнью и смертью).

е) В прозе Токарчук множество изображений умирающего тела — описаний самоубийства и его попыток, смерти от старости, сердечного приступа, инсульта, рака, чумы, на эшафоте, в результате автокатастрофы и т. д. Умирание описывается как продвижение, шаг за шагом, живого тела к смерти²⁹.

2. Экзистенциальная территория «моего тела» включает в себя также тело Другого и восприятие материи окружающего мира, не умея без этого дополнения обозначить собственные границы. Описания соприкосновений тел — испытываемых при этом ощущений и рефлексия над ними — занимают в прозе Токарчук столь же значительное место.

а) Повседневные взаимодействия живых тел — объятия, приответствия, примерка одежды, пребывание в толпе и пр. Проза Токарчук фиксирует внимание на запахах, фактуре кожи, волос, одежды, на тепле или холоде чужого тела, прикосновении различных его частей и вызываемых этими ощущениями ассоциаций и воспоминаний³⁰.

²⁴ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 18–19.

²⁵ *Токарчук О.* Бегуны. М.: Эксмо, 2018. С. 28.

²⁶ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 275.

²⁷ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 230.

²⁸ *Токарчук О.* Последние истории. С. 123, 243–244; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 250, 254; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 165; *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 101; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 678, 866, 884.

²⁹ *Токарчук О.* Последние истории. С. 25–37; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 95, 109; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 868–867, 857–856; *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 205–207; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 67–64, 584–582.

³⁰ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 9, 82–83, 110, 117, 139, 179, 180, 225, 274; *Токарчук О.* Бегуны. С. 123; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 77, 149, 217, 224, 226; *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 273; *Tokarczuk O.* Anna In w grobowcach świata. Kraków: Znak, 2006. S. 31, 36.

б) Эротические ощущения (новое измерение познания другого, усиление ощущения собственной телесности, взаимодополнение тел, ощущение полноты общения, творчество как сублимация эротических отношений, эротическое и сакральное)³¹.

с) Интеракции, связанные с конфликтами и насилием. Как противостояние тел описываются многие конфликты между героями³². В романе «Веди свой плуг по костям мертвецов» убийство — непосредственное, буквальное насилие над телом оказывается лейтмотивом: с одной стороны, охота, то есть узаконенное убийство, с другой — месть героини охотникам как попытка восстановления нарушенной в человеческом мире справедливости.

д) Описание физиологической реакции на контакты с телом мощным³³, больным (манипуляции врача³⁴, реакции близких³⁵ или служащих³⁶), травмированным³⁷, умирающим³⁸, мертвым³⁹ (феномен смерти осваивается, в частности, через касания мертвого тела, манипуляции с ним — бритье, причесывание, переодевание⁴⁰; в «Последних историях» этот феномен переживается также через пронзительные описания тела умирающего животного и сострадание ему⁴¹, в «Веди свой плуг по костям мертвецов» — через восприя-

³¹ *Токарчук О.* Последние истории. С. 160, 189, 190–191, 221–222; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 76–77, 80, 163–164, 249, 250, 253, 255, 256; *Токарчук О.* Бегуны. С. 212, 293, 314; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 189; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 722, 736–735, 840.

³² *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 58; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 80, 282, 301.

³³ *Токарчук О.* Последние истории. С. 25.

³⁴ *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 17, 18–19, 25–27, 220, 248; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 67–64, 136–133, 566–565.

³⁵ *Tokarczuk O.* Anna In w grobowcach świata. S. 38, 119; *Токарчук О.* Księgi Jakubowe. S. 678–677, 881–880.

³⁶ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 95–96.

³⁷ *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 93, 94, 101, 103; *Токарчук О.* Последние истории. С. 10–11, 157–158, 160; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 537, 782.

³⁸ *Токарчук О.* Бегуны. С. 278, 286–287; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 262–263; *Токарчук О.* Последние истории. С. 55, 63, 65, 107, 108–111, 262; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 780, 861–859.

³⁹ *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 13, 20, 92, 94; *Токарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 13–14; *Токарчук О.* Księgi Jakubowe. S. 232.

⁴⁰ *Токарчук О.* Последние истории. С. 129, 131, 165, 174, 175, 177, 187; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 17–21.

⁴¹ *Токарчук О.* Последние истории. С. 27, 63, 77, 104–105.

тие останков животных⁴²). Изображение мертвого тела — человека и животного — главный мотив «метафизического детектива» Токарчук, отраженный уже в самом названии — цитате из Уильяма Блейка (1757–1827) — «Веди свой плуг по костям мертвецов». Описания многократны и дополняются все новыми подробностями⁴³.

е) К числу специфических телесных практик следует отнести взаимодействия с телом бестелесным (то есть призраком⁴⁴), человеческим телом, ставшим звериным⁴⁵, телом получеловеческим-полурастительным⁴⁶, телом ни живым, ни мертвым⁴⁷, а также оживление мертвого тела и взаимодействие с копией тела или телом, сохраненным от распада, о чем пойдет речь ниже.

3. Среди описаний взаимодействий человеческого тела с окружающей материей (контакты героев с природными явлениями — жарой и теплым морем⁴⁸, снегом⁴⁹, флорой⁵⁰, воздухом⁵¹, живой материей как неким стихийным потоком⁵²) следует особо выделить мотив аллергии — как парадоксальной общности с природой, свидетельства единства живой материи (в «Доме дневном, доме ночном» аллергия названа «жертвой, которую наши тела приносят лугам»⁵³; большое место этот мотив занимает в «Веди свой плуг по костям мертвецов» — от аллергии страдают главные герои⁵⁴; мотив тела, отдаваемого на откуп природе, возникает также в «Последних историях»⁵⁵).

⁴² *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 24, 59–60, 123–124, 234–235, 292–293.

⁴³ *Ibid.* S. 13, 17–18, 92–207.

⁴⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 98–99, 134, 240; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 13–15, 125; *Tokarczuk O. E. E. Warszawa: PIW, 1997.*

⁴⁵ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 206; *Toкарчук О. Диковинные истории.* С. 141–142, 159.

⁴⁶ *Токарчук О. Диковинные истории.* С. 31–32.

⁴⁷ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe.* S. 287, 558, 578–577, 776.

⁴⁸ *Токарчук О. Последние истории.* С. 201, 233.

⁴⁹ Там же. С. 129, 146, 196.

⁵⁰ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 75.

⁵¹ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 56.

⁵² *Toкарчук О. Последние истории.* С. 275; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe.* S. 676.

⁵³ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 118.

⁵⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 82, 167, 258.

⁵⁵ *Токарчук О. Последние истории.* С. 207.

II

С телесностью/материальностью связаны значимые детали конструкции прозы Токарчук, прежде всего система персонажей и сравнений.

1. Профессии или занятия персонажей непосредственно связаны с живым или мертвым телом или — шире — материей, с процессом изучения, упорядочения, именованя, описания, разъяснения, создания, сохранения ее. Это те, кто занимается мертвым телом (анатомы и патологоанатомы, изготовители анатомических препаратов, тафоном, регистратор смерти). Те, кто работает с живым телом, поддерживает или восстанавливает гармонию живой материи (врач, массажист, парикмахер, садовник). Те, кто имеет дело со следами чужого тела (горничная, уборщица, продавщица одежды сэконд-хенд). Те, кто занимается установлением связей между разными видами материи, поддержанием равновесия в окружающей среде (ученый, особенно биолог, сторож). Те, кто создает иллюзию материи (создатель компьютерных игр, игрок, фокусник). Те, кто создает новую материю (инженер-строитель, пастижер, алхимик). Тот, кто упорядочивает восприятие материи другими (экскурсовод, учитель, летописец). Тот, кто ищет высший порядок устройства материи, тем или иным образом предсказывает будущее, соответствие небесного земному (исследователь-психолог, создатель тестов, астролог, ясновидец, священнослужитель, пророк, мессия).

Характерна также телесность «конструктивных» связей между персонажами⁵⁶, а также метаморфические герои («Зеленые дети», «*Transfugium*», «Визит», «Дом дневной, дом ночной», «Книги Якова»).

Значимым для прозы Токарчук персонажем являются грибы с их специфическим балансом объектности/субъектности, а также своеобразной лиминальностью (их собирают, готовят, едят — в прозу Токарчук вплетено немало рецептов блюд из грибов⁵⁷, в том числе из мухомора⁵⁸, но одновременно грибы словно бы всегда заключают в себе гипотетическую возможность причинения человеку смерти и момент

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Адельгейм 2018: 465–474.

⁵⁷ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 50–51, 166, 209, 210.

⁵⁸ Ibid. S. 127–128, 234–235.

искушения его⁵⁹), принадлежностью одновременно к растительному, животному, человеческому и некоему высшему, универсальному измерению⁶⁰.

2. Обращает на себя внимание в творчестве Токарчук огромное количество акцентирующих телесность и материальность сравнений, объединяющих мир людской и природный. Антропоморфизируются явления природы, стихии и их восприятие⁶¹, планеты⁶², элементы пейзажа⁶³, флора⁶⁴, артефакты⁶⁵, религиозные категории⁶⁶. Зооморфизируются человеческий взгляд⁶⁷, черты лица⁶⁸, части тела, кожа,⁶⁹ психологическое состояние⁷⁰, предметы⁷¹. Фитоморфизируются люди, их поведение, взаимоотношения⁷². Живая материя опредмечивается, уподобляется мертвой⁷³. В метафорах и сравнениях с ощущениями тела или опредмечивании

⁵⁹ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 122, 127, 166–167, 208–210; Токарчук О. Диковинные истории. С. 56.

⁶⁰ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 49, 51–52, 126–127, 208–209,

⁶¹ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 112, 129, 170, 174, 262; Токарчук О. Последние истории. С. 249; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 9, 32, 58, 106, 167, 311–312.

⁶² Токарчук О. Последние истории. С. 254; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 231.

⁶³ Токарчук О. Последние истории. С. 207; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 142, 198; Токарчук О. Диковинные истории. С. 159.

⁶⁴ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 49, 96, 208, 209, 272.

⁶⁵ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 108, 141; Токарчук О. Диковинные истории. С. 229–230; Токарчук О. Последние истории. С. 11; Токарчук О. Номера // Иностранная литература, 2008, № 8 URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/8/pomera.html> (дата обращения: 26.01.2023).

⁶⁶ Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 411.

⁶⁷ Токарчук О. Диковинные истории. С. 33; Токарчук О. Последние истории. С. 28; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 203.

⁶⁸ Токарчук О. Последние истории. С. 28, 52.

⁶⁹ Токарчук О. Последние истории. С. 205, 252; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 19.

⁷⁰ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 253.

⁷¹ Ibid. S. 121, 195, 216, 230.

⁷² Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 10, 58, 180–182, 229, 274; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 435.

⁷³ Токарчук О. Последние истории. С. 207, 237; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 272.

воплощается мотив материальности чувств⁷⁴. Следует отметить также телесность снов⁷⁵, видений⁷⁶.

III

Нарратив телесности/материальности определяет ряд опорных идей, объединяющих творчество Токарчук.

1. Стержневым оказывается ощущение брэнности мира и протест против нее⁷⁷. Тема тяги к бессмертию, идея Спасения как буквально-го, физического бессмертия, как награды возникает в «Книгах Якова» в связи с крещением франкистов⁷⁸. В этом же романе фигурирует тело старушки, проглотившей магический амулет — она «умирает и не умирает»⁷⁹, словно бы «зависая» между жизнью и смертью⁸⁰. В двух текстах возникает изображение процесса воскресения, которое описывается как процесс страшный в своей противоестественности⁸¹.

Протест выражается не только в попытках вытеснить из сознания феномен брэнности и смерти⁸², но и в почти маниакальном желании спасти тело от тлена (неслучайно сравнение ампутированной и препарированной ноги с новорожденным⁸³, а также очевидные параллели между описанием и восприятием сосудов с анатомическими препаратами и банок с домашними заготовками⁸⁴). Отсюда избытие в прозе Токарчук направленных на это специфических телесных практик — древних и сугубо современных, — связанных с фетишизацией человеческой телесности, направленных на вечное сохранение

⁷⁴ Токарчук О. Последние истории. С. 85, 172; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 11, 29, 46, 47, 138, 245; Токарчук О. Бегуны. С. 19.

⁷⁵ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 87, 89, 134–135, 178, 264; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 555, 188, 150, 88–87, 74, 71.

⁷⁶ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 265–268; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 683.

⁷⁷ Токарчук О. Бегуны. С. 186.

⁷⁸ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 233, 289, 378–376, 417.

⁷⁹ *Ibid.* S. 771, 855, 558.

⁸⁰ *Ibid.* S. 900, 855, 780–778, 775, 773, 284.

⁸¹ *Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata*. S. 125–127; Токарчук О. Диковинные истории. С. 268–269.

⁸² *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 269.

⁸³ Токарчук О. Бегуны. С. 205.

⁸⁴ Токарчук О. Диковинные истории. С. 50–55; Токарчук О. Бегуны. С. 205–208.

или воспроизведение тела: мумификация, препарирование, копирование, подделка, клонирование и пр.

Своеобразной проекцией, переживанием причастности к тайне бессмертия является поклонение мощам (глава «Святые мощи» в романе «Бегуны»; рассказ «Гора Всех Святых»).

Одним из главных лейтмотивов романа «Бегуны» оказываются «паноптикумы человеческого тела»⁸⁵ — кунсткамеры, анатомические театры, коллекции анатомических препаратов. Это и небольшие зарисовки⁸⁶, рефлексии на тему будущего⁸⁷, и самостоятельные фрагменты, например, история голландского анатома XVII в. Филиппа Ферейна и его ампутированной ноги⁸⁸. Среди подобных развернутых сюжетов — также история экспонатов из коллекции Рюйша, его анатомических композиций, коллекции императора Иосифа I и пр.

Другой иллюзорный способ противостоять энтропии человеческого тела — копирование его. В «Бегунах» не раз встречаются рефлексии о феномене копирования⁸⁹, упоминание или описание коллекций восковых фигур⁹⁰, рассказ о хобби врача, в детстве поклонявшегося идеальной копии человеческого тела, а в зрелом возрасте фотографировавшего девичьи тела и мечтающего «о настоящей коллекции, не фотографической»⁹¹. В «Календаре человеческих празднеств» фигурируют «карты-тела» загадочного бога, на которые после каждого массажа наносятся «мельчайшие изменения»⁹².

Идея клонирования как еще одного способа сопротивления распаду присутствует в произведении «Веди свой плуг по костям мертвецов»⁹³ и подробно развита в полуфантастической реальности «Диковинных историй» («Визит», «Transfugium», «Гора Всех Святых»).

Своеобразное спасение представляет собой реинкарнация при жизни в рассказе «*Transfugium*» — такого рода метаморфоза на символическом уровне преодолевает конечность индивидуального бытия и распада.

⁸⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 205.

⁸⁶ Там же. С. 137, 159, 376.

⁸⁷ Там же. С. 289.

⁸⁸ Там же. С. 184.

⁸⁹ Там же. С. 58–59.

⁹⁰ Там же. С. 115–118.

⁹¹ Там же. С. 125, 119, 120–121.

⁹² Токарчук О. Диковинные истории. С. 218.

⁹³ Токарчук О. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 133.

К более повседневным практикам относится сохранение следов тела, желание не стереть их окончательно, ибо плоть и так бrenна: «Я убираюсь не слишком тщательно — возможно, боюсь уничтожить сакральные доказательства бrenности живущих здесь людей»⁹⁴.

2. Идея непостижимости для человека его собственного тела, молчаливого или говорящего недоступным хозяину языком⁹⁵ («Тело есть непостижимая тайна»⁹⁶). Эта идея воплощается в рефлексиях персонажей и повествователей⁹⁷, эпизодах-знаках⁹⁸. Тело замкнуто в своем хрупком совершенстве⁹⁹, хранит внутреннюю тьму¹⁰⁰, а внезапное, «несанкционированное» вскрытие ее повергает человека в ужас¹⁰¹: (не)принадлежащее своему владельцу тело властно над ним¹⁰².

3. Идея целостности всей живой материи — воплощающаяся в фантастических элементах¹⁰³ или в рефлексиях, мироощущении отдельных героев¹⁰⁴. Это мрачное единство живых существ через переживание опыта одиночества¹⁰⁵, хрупкости бытия¹⁰⁶, грядущей смерти¹⁰⁷, через ощущение всеобщей энтропии¹⁰⁸, через трагическое или постапокалиптическое мироощущение¹⁰⁹ и даже парадоксальное

⁹⁴ Токарчук О. Номера.

⁹⁵ *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych. S. 101–102; Токарчук О. Бегуны. С. 10.*

⁹⁶ Токарчук О. Бегуны. С. 200.

⁹⁷ Токарчук О. Бегуны. С. 201; Токарчук О. Последние истории. С. 40–41.

⁹⁸ Токарчук О. Бегуны. С. 261.

⁹⁹ Там же. С. 124.

¹⁰⁰ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 211.*

¹⁰¹ Токарчук О. Диковинные истории. С. 103.

¹⁰² *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych. S. 81–82, 85.*

¹⁰³ Токарчук О. Диковинные истории. С. 31–32, 34–35, 41–43; *Toкарчук О. Szafa // Toкарчук О. Szafa. Wałbrzych: Ruta, 1998. S. 8.*

¹⁰⁴ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 100, 180–182, 233; Токарчук О. Последние истории. С. 231; Toкарчук О. Е. Е. S. 175; Токарчук О. Диковинные истории. С. 117; Токарчук О. Бегуны. С. 154; Токарчук О. Номера.*

¹⁰⁵ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 108.*

¹⁰⁶ *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych. S. 150; Токарчук О. Номера.*

¹⁰⁷ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 128–129; Токарчук О. Последние истории. С. 111; Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych. S. 14.*

¹⁰⁸ *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych. S. 120.*

¹⁰⁹ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 151; Токарчук О. Диковинные истории. С. 205.*

единение через поедание одним телом другого¹¹⁰, а также более просветленное ощущение — как видение некоего исполненного эмпатии общего загробного существования¹¹¹. Частью идеи *unus mundus* оказывается единение представителей человеческого рода (чувство братства, сестринства¹¹², телесного единства¹¹³) и единение человека и животных¹¹⁴ (идеи этики экологии). Это присоединение (приятие природой человека¹¹⁵) или данное изначально, порой забытое единство всего и вся — идея, заявленная еще в раннем романе «Правек и другие времена»¹¹⁶. Осуществлением мечты о единении с природой является и мотив реинкарнации¹¹⁷. Своеобразный антигерой — персонаж, вносящий дисгармонию, бессмысленный хаос, существующий в вечном абсурдном конфликте с окружающей средой¹¹⁸. Значимым мотивом оказывается взаимодействие с «телом» Дома, у Токарчук нередко связанном с человеком словно бы единой системой кровотока, меняющегося и растущего вместе со своими обитателями¹¹⁹. Неслучаен мотив материи, покинутой человеком и переживающей своего рода сиротство¹²⁰.

4. Идея упорядоченности, гармонии мировой материи, уравновешенности небесного и земного, стремление к ней как к недостижимой цели¹²¹. Это акцентируют незначительные на первый взгляд детали

¹¹⁰ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 24, 294; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 169–172.

¹¹¹ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 60.

¹¹² *Токарчук О. Последние истории*. С. 91, 100, 133; *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 150

¹¹³ *Токарчук О. Диковинные истории*. С. 75, 89, 90, 239–240.

¹¹⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 60, 65–66, 95, 108–109, 122, 123, 129, 130–132, 168, 223–224, 259, 262–263, 282, 294; *Токарчук О. Последние истории*. С. 168; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 85.

¹¹⁵ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 59.

¹¹⁶ *Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy*. S. 22.

¹¹⁷ *Токарчук О. Диковинные истории*. С. 139, 141–142; *Токарчук О. Последние истории*. С. 242.

¹¹⁸ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 199–200; *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 15–16.

¹¹⁹ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 184, 190–191.

¹²⁰ *Токарчук О. Бегуны*. С. 61–62; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 106, 145; *Токарчук О. Последние истории*. С. 44, 66, 82–83, 264; *Токарчук О. Номера; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 660.

¹²¹ *Токарчук О. Бегуны*. С. 305.

повседневной жизни¹²², внутреннее тяготение героев к порядку¹²³, «выражающему совершенство движения Вселенной»¹²⁴, профессиональный опыт¹²⁵, игра¹²⁶. Отсюда подробные описания бытовых телесных практик, направленных на упорядочивание окружающей материи¹²⁷. Бытовая гармония предстает спасительной метонимией гармонии всеобщей. В «Книгах Якова» значимое место занимает каббалистическое понятие «тиккун» — процесс исправления мира, потерявшего свою гармонию: «Мир страшен, это верно, но, пожалуй, кое-где его можно сделать хотя бы немного чище»¹²⁸.

Именно это — стремление пережить гармонию небесного и земного — мотивация возникающих у героев и повествователей практически всех произведений Токарчук космогонических, теогонических, описывающих устройство цивилизации и прочих теорий¹²⁹ (отдельное место занимают здесь «Книги Якова» — насыщенное фактографическим материалом повествование о саббатанцах и франкистах, живописное изображение мессианских настроений и теорий XVIII в.).

Неотъемлемым элементом этого поиска высшего порядка является попытка прочитывать знаки, искать приметы, помогающие ориентироваться в скрытой от человека упорядоченности бытия¹³⁰. «Каждая вещь — это знак, и некоторыми из них нельзя пренебречь»¹³¹. В «Веди свой плуг по костям мертвецов» и «Бегунах» фигурирует наиболее

¹²² Tokarczuk O. Szafa. S. 6; Токарчук О. Диковинные истории. С. 218; Токарчук О. Последние истории. С. 131, 195; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 880.

¹²³ Токарчук О. Диковинные истории. С. 154–155; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 314.

¹²⁴ Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 34.

¹²⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 150, 186, 196, 198.

¹²⁶ Tokarczuk O. Deus ex // Tokarczuk O. Szafa. Wałbrzych: Ruta, 1998. S. 41; Токарчук О. Диковинные истории. С. 77.

¹²⁷ Токарчук О. Диковинные истории. С. 167–168, 203.

¹²⁸ Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 728.

¹²⁹ Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy. S. 81–82, 154, 256; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 34, 273–274; Токарчук О. Диковинные истории. С. 27–28, 31–32, 46; Токарчук О. Последние истории. С. 142; Токарчук О. Бегуны. С. 167, 201, 247; Tokarczuk O. Szafa. S. 7; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 51–52; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 721, 541, 91.

¹³⁰ Токарчук О. Последние истории. С. 8–9; Tokarczuk O. Pstrąg w migdałach // Tokarczuk O. Moment niedźwiedzia. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2012. S. 126.

¹³¹ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 214.

буквальное обличье такого знака — указующий перст¹³². Персонажи видят знаки в большом и малом¹³³. В романе «Бегуны» значимое место занимает внезапно случившаяся с одним из героев странная история, которой он пытается найти логическое объяснение — прежде всего, через почти маниакальную интерпретацию «знаков»¹³⁴. Опять-таки особое место занимает историко-психологически-бытовой фон «Книг Якова», неразрывно связанный с пристальным вниманием к всевозможным знакам в «мессианские времена»¹³⁵.

Отсюда идея (не)возможности предсказать будущее¹³⁶, желания человека достичь этого закрытого для него знания и страха перед ним¹³⁷. Герои рефлексировать над проблемой неких поворотных моментов в жизни¹³⁸. Возникает мотив гаданий¹³⁹, это и «приватные» способы прочтения будущего¹⁴⁰, и научные¹⁴¹, и неизбежно возникающая в прозе Токарчук тема астрологии как попытки не просто предсказать будущее, но и объяснить настоящее, соотнести порядок земных дел с небесной гармонией (наиболее разработан этот сюжет в романе «Веди свой плуг по костям мертвецов», являясь важнейшим «мотором» повествования).

IV

Тело — порог, задерживающий в себе внешние воздействия, меняющий свое положение в реакции на них. Это граница жизни, «изменяющаяся в каждое последующее мгновение предыдущий образ

¹³² *Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 21; Токарчук О. Бегуны. С. 252.*

¹³³ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 208, 257–258, 272–273; Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 298, 303, 315; Токарчук О. Бегуны. С. 218.*

¹³⁴ *Токарчук О. Бегуны. С. 319, 322, 326.*

¹³⁵ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 543, 592–591, 653, 754, 763–762.*

¹³⁶ *Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 311.*

¹³⁷ *Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 506; Токарчук О. Диковинные истории. С. 174.*

¹³⁸ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 240; Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 71, 75–76, 143, 145–147, 175, 315; Токарчук О. Последние истории. С. 130, 133; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 582.*

¹³⁹ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 869; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 152–153; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 134–132, 211, 869.*

¹⁴⁰ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 262–263, 276–277; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 592–591.*

¹⁴¹ *Токарчук О. Диковинные истории. С. 171.*

нашего тела», то смещающаяся далеко за его пределы, то сжимающаяся, ускользающая «от себя в глубины Внутреннего»¹⁴². Само человеческое существование является изменчивым пограничем внешнего и внутреннего: «Эта граница — вибрирующая, постоянно меняющая свою линию напряжения, консистенцию, толщину, активность двух сред, совпадающих в ней (Внешнего и Внутреннего), — и есть промежуток жизни, который мы не в силах покинуть пока живем; <...> только здесь мы обретаем полноценное чувство жизни»¹⁴³.

По природе своей неразрывно связанный с границей, порогом нарратив телесности определяет у Токарчук и способ развития этих опорных идей. Оно происходит путем исследования системы взаимосвязанных пограничий.

1. Это прежде всего пограничье внешнего/внутреннего по отношению к телу: взаимоотношения тела и духа при жизни и после смерти¹⁴⁴, осмысление внешней оболочки как препятствия для метафизического опыта¹⁴⁵ или, напротив, его проводника¹⁴⁶, рефлексии, касающиеся женского тела (составляющей его сущность гипотетической наполненности новой жизнью, а также угрозы утери субъектности¹⁴⁷), осознание тела как тюрьмы¹⁴⁸ или как спасения¹⁴⁹, как маскарада¹⁵⁰, как ошибки¹⁵¹.

2. С этим пограничем связаны пограничья тело/одежда (одежда как временная оболочка тела¹⁵², спасительная или подав-

¹⁴² Подорога 1995: 51.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Toкарчук О. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 17, 22; *Toкарчук О. Prawiek i inne czasy*. S. 26; *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 20–23, 68–69.

¹⁴⁵ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 162.

¹⁴⁶ *Toкарчук О. Бегуны*. С. 247.

¹⁴⁷ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 253, 254; *Toкарчук О. Последние истории*. С. 96–98.

¹⁴⁸ *Toкарчук О. Prawiek i inne czasy*. S. 154, 159, 162; *Toкарчук О. Е. Е. S. 202*; *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 20, 173; *Toкарчук О. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 81–82.

¹⁴⁹ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 65.

¹⁵⁰ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 60, 65, 66, 144; *Toкарчук О. Последние истории*. С. 111, 157–158, 160, 238.

¹⁵¹ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 64, 74, 77, 78, 80, 83, 159–160.

¹⁵² *Toкарчук О. Бегуны*. С. 258; *Toкарчук О. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 11, 49, 84, 259. *Toкарчук О. Диковинные истории*. С. 14.

ляющая¹⁵³, связующая или разделяющая¹⁵⁴, имеющая физическое и социальное измерение; утрата ее ассоциируется со смертью¹⁵⁵ и может вести к смерти¹⁵⁶; способна служить маскарадом, камуфляжем¹⁵⁷; в произведениях «Последние истории» и «Веди свой плуг по костям мертвецов» возникает мотив одевания и переодевания покойника¹⁵⁸; парики¹⁵⁹, грим¹⁶⁰ и татуировка¹⁶¹ осмысляются как нечто среднее между одеждой и имитацией тела, и выполняют подобные функции; на грани внешнего/внутреннего по отношению к телу находится также колтун¹⁶² — прибежище сил то ли внешних, то ли внутренних, то ли физических, то ли потусторонних) и тело/мир (воплощающееся прежде всего в мотиве следов¹⁶³ — реальных следов¹⁶⁴ и мистического переживания присутствия мертвых в мире живых, следования живых по следам умерших¹⁶⁵; но и само тело также обладает памятью о соприкосновении с внешним миром, это своеобразная карта¹⁶⁶; памятью обладают отдельные части тела, ткани — ампутированная и препарированная нога¹⁶⁷, пересаженное

¹⁵³ Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 151–153; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 164, 210–211.

¹⁵⁴ Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 152; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 229.

¹⁵⁵ Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata. S. 25, 27–28.

¹⁵⁶ Токарчук О. Диковинные истории. С. 110.

¹⁵⁷ Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 78–79, 173, 230, 231, 239, 274.

¹⁵⁸ Токарчук О. Последние истории. С. 164; Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 17–21.

¹⁵⁹ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 72, 275.

¹⁶⁰ Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 153, 173.

¹⁶¹ Токарчук О. Бегуны. С. 212.

¹⁶² Токарчук О. Диковинные истории. С. 16–17, 33; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 655.

¹⁶³ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 9, 52, 52, 77, 80, 83, 109, 110, 229, 274; Токарчук О. Диковинные истории. С. 76, 230, 247; Токарчук О. Бегуны. С. 156–157; Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 256; Токарчук О. Последние истории. С. 178, 188; Tokarczuk O. E. E. S. 78; Токарчук О. Номера.

¹⁶⁴ Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 115, 298, 314–315; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 106; Токарчук О. Номера.

¹⁶⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 290; Токарчук О. Последние истории. С. 74.

¹⁶⁶ Токарчук О. Диковинные истории. С. 243–244; Токарчук О. Последние истории. С. 110. Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 871.

¹⁶⁷ Токарчук О. Бегуны. С. 184.

сердце¹⁶⁸, волосы в париках¹⁶⁹, кровь донора¹⁷⁰; характерен мотив шрамов¹⁷¹).

3. Логически связано с идеей *unus mundus* и границами дух/тело, внешнее/внутреннее, пограничье человеческое/нечеловеческое в фантастическом, экологическом, мистическом, психологическом измерении и воплощении¹⁷².

4. Пограничье небесное/земное воплощается в многочисленных космогонических и теогонических теориях¹⁷³, играх¹⁷⁴, мотивах взаимоуподобления и взаимозависимости Вселенной и тела¹⁷⁵, астрологических мотивах, о которых шла речь выше, мотивах связи божественного и человеческого¹⁷⁶).

5. В связи с этим неизбежно возникает осмысление пограничья свободы/несвободы человека от высшего порядка¹⁷⁷ — мотивы поведения человека как демиурга, хирурга вселенной, санитара, контролера распределения мировой материи и иллюзорности, опасных последствий или ограниченности такого опыта (компьютерные игры, охота, экзтаназия, научные эксперименты и пр.)¹⁷⁸.

¹⁶⁸ Токарчук О. Диковинные истории. С. 115–116, 128.

¹⁶⁹ Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 70.

¹⁷⁰ Ibid. S. 207.

¹⁷¹ Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 61, 236–237, 254, 239; Токарчук О. Последние истории. С. 161, 262–263; Токарчук О. Диковинные истории. С. 116.

¹⁷² Токарчук О. Диковинные истории. С. 141–142; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 18, 15–16, 18, 129, 274, 275, 276–277, 302; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 90.

¹⁷³ Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 81–82, 154; Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 73, 88, 97, 132, 148–149, 194–196, 273–274; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 254–255; Токарчук О. Бегуны. С. 167, 201; Токарчук О. Диковинные истории. С. 31–32.

¹⁷⁴ Токарчук О. Deus ex. S. 45–46; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 89.

¹⁷⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 173, 177, 205, 271, 369–370, 212; Токарчук О. Последние истории. С. 128. Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 158, 174; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 34, 175.

¹⁷⁶ Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 51–52, 271; Токарчук О. Последние истории. С. 142; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 107, 163; Токарчук О. Диковинные истории. С. 248; Токарчук О. Księgi Jakubowe.

¹⁷⁷ Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 135–136, 248, 303, 315; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 89.

¹⁷⁸ Токарчук О. Deus ex. S. 43, 41–42; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 188–189, 279; Токарчук О. Бегуны. С. 280–281, 285; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 23.

6. Одним из важнейших пограничий в прозе Токарчук оказывается зыбкая граница между живым/мертвым (а также теплым/холодным, подвижным/неподвижным), исследуемая в детской игре, в процессе траура, переодевания покойника и пр.¹⁷⁹.

7. К этому пограничью примыкают пограничья смертное/бессмертное и изменчивое/неизменное¹⁸⁰, в частности, мотивы старения женского тела¹⁸¹, связывающие это пограничье с пограничем видимое/невидимое¹⁸².

8. В связи с мотивом кунсткамер исследуется пограничье нормы/деформации, совершенного/ущербного¹⁸³. Пограничье большое/здоровое смыкается с границей небесное/земное, а ущербное приоткрывает особые возможности¹⁸⁴.

9. Эта граница связана также с пограничем пограничьями: повторяемое/единичное¹⁸⁵, а также оригинал/копия/подделка¹⁸⁶ (в частности — мотивы клонирования, поклонения телу бога или мощам).

10. Исследуется пограничье целое/часть (сюжеты, связанные с частями тела, их утратой, сохранением, перемещением, изображением, трансплантацией, рассматриванием, использованием и пр.)¹⁸⁷.

11. Одним из характерных для прозы Токарчук мотивов оказывается пограничье подвижное/неподвижное, рефлексия над движением материи и перемещениями в ней человека, сюжеты, связанные с сектой бегунов, паломничествами, оседлостью/кочевьем/

¹⁷⁹ Токарчук О. Последние истории. С. 20, 123, 140, 166, 160–161, 233; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 129–130; Токарчук О. Диковинные истории. С. 221, 242, 243; *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 21.

¹⁸⁰ Токарчук О. Бегуны. С. 186, 372–373; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 48, 186, 215; Токарчук О. Диковинные истории. С. 206–207.

¹⁸¹ Токарчук О. Последние истории. С. 148, 153.

¹⁸² Токарчук О. Бегуны. С. 284.

¹⁸³ Токарчук О. Бегуны. С. 19, 21–23, 134; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 34, 120–121, 233.

¹⁸⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 105, 137.

¹⁸⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 20; Токарчук О. Диковинные истории. С. 229.

¹⁸⁶ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 100, 153–154; Токарчук О. Диковинные истории. С. 93, 204, 221–222, 269, 280–281; Токарчук О. Бегуны. С. 58–59, 98–99, 125, 126.

¹⁸⁷ *Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy*. S. 41; Токарчук О. Диковинные истории. С. 195, 204; Токарчук О. Последние истории. С. 73–74, 162, 182, 270–271, 281; *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych*. S. 18, 23–24, 47, 133, 191, 234–235, 261, 295–298; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 69, 138, 250; Токарчук О. Бегуны. С. 187–197, 199, 205, 251.

туризмом, приручением человеком пространства, властью вещного мира¹⁸⁸.

12. Идея протеста человека против бренности жизни, а также стремление к познанию высшего порядка порождают потребность в исследовании пограничья сохранение/отражение, запечатление/воспроизведение. Это сюжеты, связанные со сбором и передачей информации, музеями, анатомическими атласами, географическими картами и картами звездного неба, их неточностью, а порой избыточностью, противоречием между фрагментарностью человеческого восприятия и тягой к целостности мировосприятия, превращению хаоса перцепции в гармонию идей и систем¹⁸⁹.

13. Это пограничье связано с границей материя/слово и мотивом называния, именованя материи¹⁹⁰.

Ряды и взаимосвязи, конфигурации этих пограничий в прозе Токарчук можно продолжать: мужское/женское, я/мы, разум/безумие, эмпатия/преступление, возмездие/правосудие, сила/бессилие, тайна/очевидность, сон/явь.

Таким образом, «порогообразующий» нарратив телесности/материальности выступает у Токарчук в роли особого конструкта, с помощью которого, с одной стороны, осваивается реальность окружающего мира, с другой — совершается коммуникация с ним (через потенциального адресата текста). Сенсорно ориентированное письмо способствует работе механизмов эмпатии, а категория пограничья оказывается не только инструментом художественного осмысления окружающего мира, силовым полем, обеспечивающим единство всего массива прозы Токарчук, но и своего рода нравственной целью, поскольку также — и эстетически, и этически — неразрывно связана с идеей эмпатии. Идея пограничья — это, в сущности, идея

¹⁸⁸ Токарчук О. Последние истории. С. 253; Токарчук О. Бегуны. С. 258; *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 258–259, 310; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 526–524.

¹⁸⁹ Токарчук О. Бегуны. С. 80, 173, 198, 172, 173, 186, 196, 198, 200, 251, 294; Токарчук О. Последние истории. С. 12, 71–72; Токарчук О. Диковинные истории. С. 224.

¹⁹⁰ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 68, 168, 173, 174, 176–200, 204, 225–226, 244, 256–257; *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 28–30, 48, 151, 213–214, 302; Токарчук О. Последние истории. С. 151–152, 183; Токарчук О. Диковинные истории. С. 56, 229–230; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 900, 709, 522–521, 470, 448–447, 444, 413–412, 196, 154, 141.

со-существования людей в пространстве, стремящемся к отсутствию самой идеи границ как того, что непримиримо разделяет.

В книге эссе 2020 г. «Чуткий повествователь» Токарчук указала на опасность одной из болезней нашего времени — буквализма, чреватого нетерпимостью, характерного и для либеральной политкорректности, и для идеологизированного сознания. В основе его — одномерность, изолированность и поверхностность восприятия: глубина и цельность невозможны без учета и понимания контекста и изменчивых взаимосвязей. Спасение — по-прежнему в искусстве и литературе прежде всего. Ольга Токарчук говорит:

В писательстве меня всегда интересовали всевозможные пограничья. Не только граница в физическом или даже политическом смысле... На границе нет ничего черного и белого <...>. Мне кажется, что искусство, по самой своей природе, является пограничной идеей. <...> Оно возникло для того, чтобы создать для человека поле свободы¹⁹¹.

Знаменательно, что в тексте 1996 г. присутствует формула «Человек — это тело»¹⁹², а в тексте 2018 г. — «Человек — это душа, тело и повествователь»¹⁹³. Телу и духу нужен повествователь. Это очередной положительный ответ на полуриторический вопрос другой польской писательницы: зачем нужна художественная форма и откуда берется, разве она служит выживанию? Да. Во всяком случае, она к этому стремится.

В романе «Книги Якова» устами одной из героинь Токарчук определила литературу как «особый вид знаний, совершенство неточных форм»¹⁹⁴. Это эмпатическое переживание множества (и, следовательно, множественности) моделей опыта, искусство со-чувствия, открывания родства, «экс-центрической» перспективы.

¹⁹¹ Olga Tokarczuk: Sztuka ze swej istoty jest idea pograniczną // Zwrot. Polacy w Czechach online. URL: <https://zwrot.cz/2019/10/olga-tokarczuk-sztuka-ze-swej-istoty-jest-idea-pograniczna/#:~:text=%E2%80%93%20W%20pisanium%20zawsze%20interesowa%C5%82o%20mnie,%2C%20m%C4%99%C5%BCczyzn%C4%85%2C%20noc%C4%85%2C%20dnem> (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁹² Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy. S. 162.

¹⁹³ Tokarczuk O. Czuję narrator. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020. S. 179.

¹⁹⁴ Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 562.

Неслучайно Нобелевская речь и книга эссе Токарчук носят название «Чуткий повествователь». Писательница говорит:

Чуткость наделяет жизнью все, к чему прикасается, позволяет дать всему голос. <...> Она появляется там, где мы внимательно и сосредоточенно заглядываем в другое существо, в то, что не является нашим “я”. <...> Это сознательное <...> соучастие в чужой судьбе. <...> Это глубокое сопереживание другому существу, его хрупкости, неповторимости, его незащитности перед лицом страдания и действия времени. Чуткость подмечает наши связи, сходства и идентичности. Это взгляд, который видит мир как живой, дышащий организм, где все взаимосвязано и взаимозависимо. Литература основана на чуткости по отношению к каждому отличному от нашего быту. Это основной психологический механизм романа. Благодаря этому удивительному инструменту, самому утонченному способу человеческой коммуникации, наш опыт путешествует сквозь время и достигает тех, кто еще не родился, но кто когда-нибудь обратится к тому, что мы написали, нашим рассказам о нас самих и о нашем мире¹⁹⁵.

Литература

- Адельгейм 2018 — *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.
- Адельгейм 2023 — *Адельгейм И. Е.* «Бесконечно хрупкие, недолговечные, легкоуязвимые...»: Мотивы бренности мира и сопротивления ей в прозе Ольги Токарчук // *Stephanos*. 2023. № 1(57). URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Никитин 2006 — *Никитин В. Н.* Онтология телесности. Смыслы, парадоксы, абсурд. М.: Когито-Центр, 2006. 320 с.
- Подорога 1995 — *Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. М.: Ad Marginem, 1995. 170 с.
- Тюпа 2011 — *Тюпа В. И.* Нарративная стратегия романа // *Новый филологический вестник*. 2011. № 3(18). С. 8–24.
- Тюпа 2018 — *Тюпа В. И.* Жанровая природа нарративных стратегий // *Филологический класс*. 2018. № 2(52). С. 19–24.

¹⁹⁵ *Tokarczuk O.* Czuję narrator. S. 287–288.

References

- Adel'geim, I.Je., 2018. *Psikhologiia poetiki: Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)*. [Psychology of poetics: Autopsychotherapeutic functions of the art text (on the material of Polish prose of the 1990s–2010s)]. Moscow: Indrik, 648 p. (in Rus.)
- Adel'geim, I.Je., 2023. “Beskonechno khrupkije, nedolgovечnyje, legkouia-zvimyje...”: Motivy brennosti mira i soprotivleniia jei v proze Ol'gi Tokarczuk [“Infinitely fragile, short-lived, vulnerable...” Motives of frailty of the world and human resistance to it in Olga Tokarczuk’s prose]. *Stephanos*, 1 (57). URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57.pdf> (accessed: 23.02.2023) (in Rus.).
- Lotman, Iu.M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Iskusstvo, 384 p. (in Rus.)
- Nikitin, V.N., 2006. *Ontologiia telesnosti. Smysly, paradoksy, absurd* [Ontology of corporeality. Meanings, paradoxes, absurd]. Moscow: Kogito-Centr, 320 p. (in Rus.)
- Podoroga, V., 1995. *Fenomenologiia tela. Vvedeniye v filosofskuiu antropologiiu. Materialy lektсионnykh kursov 1992–1994 godov* [Phenomenology of the body. Introduction to philosophical anthropology. 1992–1994 lecture courses]. Moscow: Ad Marginem, 170 p. (in Rus.)
- Tiupa, V.I., 2011. Narrativnaia strategii romana [Narrative strategy of the novel]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 3(18), pp. 8–24 (in Rus.).
- Tiupa, V.I., 2018. Zhanrovaia priroda narrativnykh strategii [The genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskii klass*, 2(52), pp. 19–24 (in Rus.).

Irina Jevgen'jevna Adel'geim

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.

E-mail: adelgejm@yandex.ru

“Man is Soul, Body, and Narrator”: Olga Tokarczuk’s Narrative Strategy

The article is devoted to the prose of Olga Tokarczuk, one of the greatest Polish writers of the turn of the twenty-first century. The most important constant of Tokarczuk’s worldview is the category of corporeality/materiality. The logic of corporeality/materiality on different levels determines the organization of texts, generates connections across motives and a common semantic field. The narrative of corporeality/materiality, leveraged by means of the writer’s frequent use of empathetic narrative, acts as a special construct by means of which Tokarczuk explores the reality of the surrounding world, but also communicates with it (through the potential recipient of the text). The article analyses the specificity of Tokarczuk’s visualisation of body practices in her prose (representations of the body, interaction of bodies, interaction of the body with the environment) and significant elements of the narrative structure directly connected with corporeality/materiality: the system of characters, the specificity of comparisons, basic ideas, the role of boundaries as an aesthetic and ethical category, as well as an artistic tool, and the moral purpose of the narrative.

Keywords: Olga Tokarczuk, narrative of corporeality, narrative strategy, body practices, borderland, sensitivity, aesthetic category, ethical category

How to cite: *Adel'geim I.Je.* “Chelovek — eto dusha, telo i povestvovatel”: narativnaia strategija Ol'gi Tokarchuk. *Central-European Studies*, 6, pp. 273–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.10>.